

«Я готов умереть и не хочу на волю»

**31 декабря Церковь празднует память
священномученика Николая Кобранова**

Фото Владимира Ештокина

Игумен Дамаскин (Орловский),
секретарь
Синодальной
комиссии по канони-
зации святых,
руководитель фонда
«Память мучеников
и исповедников
Русской Правосла-
вной Церкви», клирик
храма Покрова
Божией Матери
на Лычиковой горе
(Москва),
www.fond.ru

Заканчивая допрос, следователь спросил отца Николая: «Что можете добавить к следствию?» — «Я не переношу современной суматохи жизни и для меня совершенно безразлично — дадут ли мне бессрочное заключение, смертный приговор — я готов принять все, но на волю я не хочу, то есть определяю себя оторванным от настоящей жизни. Я с прибытием в Ухтпечлаг все время голодал по той причине, что в Москве начальник секретного политического отдела Тимофеев дал мне слово не направлять меня в лагерь, но, однако, я вопреки этому обещанию был направлен. Я очень признателен администрации Ухтпечлага за внимательность ко мне во время моей голодовки, которая является не протестом, а видом самообладания в чуждой обстановке. Конкретно я прошу для себя тюремного одиночного заключения, обещанного мне прокурором прокуратуры СССР Седовым, и прошу этот процесс ускорить».

Священномученик Николай родился в 1893 году в селе Благовещенье Смоленской губернии в семье диакона Иакова Кобранова. В 1913 году он окончил Смоленскую духовную семинарию, а затем три курса юридического факультета Варшавского университета. В 1918 году Николай жил в Крыму, где был иподиаконом у епархиального архиепископа. В 1920 году он был рукоположен во диакона к Крестовой церкви в Симферополе, в 1921-м — во священника и служил в Покровском храме в селе Колги Мелитопольского уезда Запорожской губернии. В 1922 году он выехал в Москву и поступил священником в Новоспасский монастырь, где его брат, архимандрит Евгений (Кобранов), был наместником.

В 1925 году отец Николай был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем храма Живоначальной Троицы в Кожевниках, находившегося в то время в плачевном состоянии и требовавшего большого ремонта. Священник начал свою деятельность здесь с того, что создал живой приход.

Отец Николай часто служил и за всеми богослужениями проповедовал; он устраивал богословские беседы, приглашая на них авторитетных профессоров. В храм по его просьбе приносились из других

храмов для сугубых молитв чудотворные иконы Богоматери и святого мученика Трифона. Из числа прихожан было создано общество постоянных жертвователей на ремонт и благоустройство храма, которым выдавался билет, где значилось, что они имеют право участвовать во всех церковных делах прихода.

Власти пристально следили за ревностным пастырем, и 28 октября 1929 года он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 2 ноября состоялся допрос. Отвечая на вопросы следователя, отец Николай сказал: «Я являюсь священником Троицкой церкви, которая представляет из себя историческую ценность <...> и приходится принимать усиленные меры к изысканию средств на ее поддержание... Сестричество организовано мной в начале моего назначения в этот храм <...>, на него возложена главная забота о храме, чем оно и занимается <...> Для этой же цели были введены членские взносы от верующих, которые поступают и вносятся в книги прихода...»

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Николая к трем годам заключения в концлагере на Соловках. По окончании срока заключения отец Николай был отправлен на три года в ссылку в Казахстан, откуда он вернулся в 1935 году и поселился в деревне Кукарино Можайского района. Бывая в Москве, он встречался с монахинями закрытых монастырей, иногда совершал на квартире богослужения, что впоследствии ему было поставлено в вину.

27 апреля 1936 года отец Николай снова был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. На допросе следователь Байбус спросил его: «Признаете ли вы себя виновным в том, что, вернувшись из ссылки в 1935 году, начали организовывать нелегальный монастырь?» — «Нет, не признаю. Я не организовывал никаких нелегальных монастырей», — ответил священник. «Вы устраивали нелегальные богослужения на квартире игуменья?» — «Да, устраивал. Я совершил молебное пение». — «На этом собрании вы вели контрреволюционные беседы?» — «Нет, не вел». — «Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы высказывали контрреволюционные взгляды и допускали выпады против руководимого советской властью государства. Что вы можете показать?» — «Это я отрицаю. Я ни с кем на эту тему

не говорил. Мое личное отношение к советской власти заключается в несогласии с ней по религиозному вопросу, так как она разрушает храмы и репрессирует невинно верующих и духовенство».

Во время допроса Байбус, желая уязвить священника, заметил, что даже жена считает его религиозным фанатиком и вскоре пришлет ему развод. Но не беспокойтесь, «святым вас не сделаем», — добавил он со злобой.

16 мая 1936 года отец Николай подал заявление прокурору по надзору за органами НКВД, в котором он написал, что начинает бессрочную голодовку до освобождения.

20 мая 1936 года следствие было закончено, и следователь, вызвав отца Николая на допрос, спросил, желает ли он чем-либо дополнить следствие, на что священник в ответ подал следователю письменное объяснение, что просит считать его голодовку не протестом против советской власти, а средством для обретения внутреннего равновесия в условиях крайнего насилия. Переносить тюрьмы и репрессии в обстановке крайней несправедливости он может, только прибегая к крайним средствам, своего рода дополнительным обетам, могущим вернуть ему душевное спокойствие, каким и является для него пост или, говоря по-мирски, голодовка. Он писал, что просит вести его дело без задержек, но не настаивать на отказе от голодовки. «Мы не терзаем, не казним, но вместе жить мы не хотим». Насилия не переносу всякого», — писал в своем объяснении отец Николай.

В тот же день администрация тюрьмы, пригласив известных профессоров, освидетельствовала священника на предмет его психического здоровья, и те дали заключение о полном здравии отца Николая и что его поступки свидетельствуют о его личном характере и твердой вере. Начальник секретного политического отдела НКВД Тимофеев пообещал священнику, что лагерь ему заменят ссылкой в обмен на прекращение голодовки.

21 мая 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило отца Николая к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 29 июня он был доставлен в Ухтпечлаг в город Чибью, а затем на лагпункт.

1 декабря 1936 года отец Николай вновь объявил голодовку, требуя заменить лагерь тюремной одиночкой или ссылкой. 17 декабря он был помещен в лазарет. 21 января 1937 года священник отправил заявление начальнику секретного политического отдела НКВД Тимофееву, в котором писал: «Сегодня 260 дней моего третьего заключения... Сегодня 130 дней моей голодовки... Причины в Вас и в Байбусе... Байбус так поставил вопрос, что совершение литургии мной на дому есть государственное преступление. Не изменяя клятве священства и Деснице Всевышнего до смерти, не могу согласиться, что литургия в какой бы то ни было обстановке может быть преступлением.

Не соглашусь с Байбусом, что я должен домашнюю молитву регистрировать у гражданской власти после отделения Церкви от государства. Я законный священник, избранный народом, в этой области подчиняюсь только признаваемому мной епископу. Грубо нарушены принципы веротерпимости и законы отделения Церкви от государства. Здоровьем и жизнью, мукой крайней вынужден в революционной среде защищать неприкосновенность убеждений».

23 июля 1937 года начальник лагпункта распорядился, чтобы отец Николай был переведен из лазарета на общие работы, но заведующий лазаретом ответил, что этого сделать нельзя, так как состояние здоровья священника после длительной голодовки очень тяжелое.

16 августа отец Николай был выписан из лазарета на общие работы, а 27-го заключен под стражу в следственный изолятор, и ему было предъявлено обвинение в проведении антисоветской агитации. Отец Николай заявил, что отказывается подписывать это постановление, а также и давать показания. Поскольку большую часть последнего заключения отец Николай пробыл в лазарете, то с начальника лазарета была испрошена характеристика на него. Он написал, что священник «лазаретному режиму подчинялся. Религиозен. По мере возможности старался соблюдать религиозные обряды (посты, молитвы)».

Так для отца Николая началось последнее следствие. От подписи под постановлением в предъявлении ему обвинения отец Николай отказался, и следователи написали: «На поставленные ему вопросы по существу доказанности его виновности <...> заявил, что он категорически отказывается отвечать на такого характера вопросы, а в противном случае прекратит всякий разговор по его делу <...> Кроме того, заявил, что он человек своих убеждений — иного мира воззрений, что о своих убеждениях он открыто говорил в свое время на Лубянке, 2, что с убеждениями можно бороться только или смертью или терпимостью и что его, Кобранова, может исправить только могила».

29 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Николай Кобранов был расстрелян 31 декабря 1937 года и погребен в безвестной могиле. **Ф.**

